

(свет над городом), бывшем в ночь на 25 мая 1453 года, упоминает и Г. Франтца, рассказывая о том, какое смятение вызвало это явление в лагере турок. Но автора „Истории“ интересует не эта сторона дела. Он увидел в этом явлении осуществление древнего предсказания о том, что чудесный свет и ангел — покровитель Царьграда, всегда пребывавшие в св. Софии, в дни гибели Царьграда покинули город. Легендарные данные, о которых он мог узнать и устным путем, и через рукописное, известное в русском переводе „Сказание о построении церкви Софии Царьградской“, он объединил с описанием явления, действительно имевшего место в последние дни существования Византии, и выразил этим нарастающий ужас греков. Итак, все древние предсказания сбываются. Царьград берут турки, в бою погибает последний византийский император Константин XI. „И збысться реченное: Костянтином създася и паки Костянтином и скончася“, — напоминает автор „Истории“, подобно тому, как вспомнили об этом и Эней Сильвий Пикколомини (впоследствии папа Пий II) в своем письме к кардиналу Сбигневу архиепископу Краковскому и грузинский летописец. Трагедия империи закончена. Осталось досказать только о последних боях на улицах города и мероприятиях Магомета по их прекращению.

Но в сознании человека средних веков история Царьграда не заканчивалась его порабощением турками. Если сбылись все предсказания о его гибели, сбудутся предсказания и о его возрождении: „Аще вся прежереченная Мефодием Патаромским и Львом Премудрым и знамения о граде сем съверьшишася, то и последняя не прейдут, но также съвршится имут“ (40), — говорит автор „Истории“. Мотивы предсказаний, взятых из комментариев Григория Схолярия и „Видений Даниила“, предсказаний о том, что „русий“ [русоволосый] народ победит Измаила [турок] и христианский Царьград возродится, и составляют третью часть легендарного сюжета „Истории“. Этот легендарный сюжет как бы накладывается автором „Истории“ на основную ткань его исторического повествования, меняя самый тип этого повествования. Эпизоды „Истории“, написанные в развитие этого сюжета, являются символическим изображением всей истории великого города, истории действительной и воображаемой: его основания, падения под ударами турок и возрождения в грядущие века. В общей фабуле „Истории“ именно он, этот легендарный сюжет, является носителем providentialной точки зрения ее автора на историю Царьграда.

В задачу автора входило так написать историю Царьграда — историю его прошлого, настоящего и будущего, — чтобы была очевидна предопределенность его исторического бытия, так как только при ней сохранялась надежда на его возрождение. Такова историсофия автора. Она хорошо известна нам по греческой литературе, предвалявшей падение Византии. Ее мы обнаруживаем в большей или меньшей мере и почти во всех рассказах и мемуарах о взятии Царьграда, написанных современниками этого события. Исторические суждения автора не выходят за ее пределы. Он не предлагает никаких конкретных форм освобождения Царьграда в ближайшем будущем, потому что не видит их, как, впрочем, не видели их и государственные или политические деятели на Руси и в годы падения Византии, и в более позднее время.

На иных позициях стояли политические деятели (главным образом — из среды духовенства) католического Запада. Равнодушные к судьбе осажденного Царьграда и даже враждебные грекам, они буквально в первые же дни после победы турок подняли тревогу, говоря о турецкой опасности для всего христианского мира и побуждая правителей